

УДК 340.135:34.01

Померлян А.Н.

Действие чрезвычайного режима как время ограничения прав человека на определенной территории

Померлян Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Новосибирского Военного института Внутренних Войск МВД России по учебной работе, полковник полиции
E-mail: 3411208@mail.ru

В работе исследуется проблема ограничения прав и свобод человека как временная мера в условиях действия чрезвычайного положения на определенной территории. Действие чрезвычайного положения рассматривается как временное по своей сути состояние особого правового режима, которое распространяется на конкретную территорию. В статье обращается внимание на необходимость соблюдения принципов разумности, целесообразности и законности ограничения прав человека в условиях действия чрезвычайного режима на определенной территории. Автором подробно анализируются правовые основания подобного ограничения. Здесь речь идет не только о нормах международного права, Конституции и законодательства Российской Федерации, но и о положениях подзаконных актов. Особое внимание уделяется требованиям к ограничению прав человека при чрезвычайных режимах, которые сформулированы как в юридической науке, так и законодателем.

Ключевые слова: пространство, время, права человека и гражданина, территория, чрезвычайное положение, военное положение, чрезвычайный режим, ограничение прав человека и гражданина, конституционные права, законодательные ограничения прав и свобод, разумная достаточность ограничения прав человека, действие чрезвычайного режима.

Ограничение прав граждан в условиях чрезвычайных правовых режимов и правовая защита человека на первый взгляд понятия взаимоисключающие. Но нельзя говорить об ограничении прав, не сказав о том какие есть права и в чем заключается их защита. По мнению А.В. Стремоухова, правовая защита человека – это сложное, многогранное, полиструктурное образование¹.

Правовая защита человека как научная проблема не может быть разрешена без определения понятия, отражающего это правовое явление. Поскольку «правовая защита» – категория законодательная, то законодатель может издавать законы, объективно не обеспечивающие право человека на правовую защиту. Учеными-историками доказано, что уже при первобытнообщинном строе сложилась своеобразная система социального регулирования, ориентированная прежде всего на ограничения. Нормы поведения, в особенности нормы-табу, определялись необходимостью сдерживания биологических инстинктов². Впоследствии, при возникновении права, в обществе (и особенно в его господствующей части) возникла потребность в том, «чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые определялись обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения»³.

Ограничения играют огромную роль в обретении личностью подлинной свободы, «подлинная свобода, – пишет К. Ясперс, – осознает свои границы»⁴. Это свойство свободы было учтено разработчиками французской Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. В Декларации записано: «Свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами»⁵.

Переходя к анализу понятия «ограничение», уместно отметить, что на необходимость ограничений прав и свобод человека в литературе указывается практически всеми исследователями прошлого и настоящего. Так, известный русский философ XIX в., уделявший значительное внимание философским аспектам правопонимания, Е.Н. Трубецкой в «Трудах по философии права» пишет, что «где свобода отдельного лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаниями, там нет вообще никакого права: существенным призна-

¹ См.: Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Монография. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2006. С. 9.

² См.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.

³ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2. М., 1962. С. 356.

⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 168.

⁵ Современные зарубежные конституции. М., 1992. С. 98–100.

ком права является правило, или норма, ограничивающая свободу»¹.

Термин «ограничить» в словарях русского языка означает «стеснить определенными условиями, поставить в какие-то рамки, границы»²; лимитировать, свести к чему-либо (возможности, сфере деятельности и т.п.), сузить (возможности, права и т.п.), ущемить, поставить в рамки, поставить предел чему-либо»³.

Термин «правовые ограничения» по отношению к общепринятому понятию ограничений является специальным и более конкретным. Правовые ограничения – это «установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, это есть сдерживание неправомерного поведения, создающее условия для удовлетворения интересов контрагента (в широком смысле слова) и общественных интересов в охране и защите»⁴.

Ограничения прав человека каждого вида реализуются в той или иной форме. Под формой ограничения прав понимается внешнее проявление его содержания или конкретный способ его реализации.

Формами ограничений в зависимости от обстоятельств могут быть: обязанности⁵, запреты⁶, приостановления, меры защиты⁷, наказание, ответственность, меры пресечения, опека, попечительство, ограничение дееспособности, необходимая оборона, крайняя необходимость и др.

Большая роль в профилактике неправомерных ограничений принадлежит юридическим гарантиям. Такие гарантии провозглашены Конституцией России. В качестве примера можно привести принцип неотчуждаемости основных прав и свобод человека (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). Названный принцип впервые в истории отечественного права был сформулирован и провозглашен еще в советское время в постановлении I Съезда народных депутатов СССР⁸.

Суть принципа заключается в том, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ), и что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55). Конституция не предусматривает их деление на более и менее значимые. Тем самым подтверждая их равноценность. Следует согласиться с В.А. Карташкиным и Е.А. Лукашевой, которые считают, что основные права и свободы человека есть, прежде всего, конституционные права⁹. В число признаков неотчуждаемости прав и свобод входит невозможность и недопустимость лишения или ограничения государством прав человека в объеме без указания в законе оснований ограничения. Нельзя, не опираясь на закон, произвольно изымать у человека и иные права и свободы.

Практически все цели ограничений, которые закреплены в глобальных и региональных универсальных соглашениях о правах человека, за исключением некоторых целей, сформулированных в Европейской конвенции (ст. 10), закреплены и в Конституции Российской Федерации. В соответствии с ч. 3 ст. 55 целями ограничений могут быть:

- защита основ конституционного строя;
- обеспечение безопасности других лиц (защита нравственности, жизни, здоровья, прав и законных интересов);
- обеспечение обороны страны;
- обеспечение безопасности государства.

Кроме того, в условиях чрезвычайного положения (ст. 56 Конституции РФ) целью ограничений является обеспечение безопасности граждан.

Таким образом, можно говорить о наличии конфликта между естественными и неотчуждаемыми правами человека на свободу и не менее естественным правом других лиц и граждан на безопасность. Во имя безопасности и других целей, предусмотренных Конституцией РФ, ограничения прав и свобод личности неизбежны.

Приоритетная задача обеспечения прав и свобод граждан приобретает особое значение в период действия чрезвычайных правовых режимов при возникновении различных ситуаций чрезвычайного характера, когда нормальное функционирование общества и государства вследствие тех или иных причин становится невозможным. Как справедливо отмечают известные российские ученые В.В. Маклаков и Б.А. Страшун, «конституции часто предусматривают возможность ограничения тех или иных прав и свобод при чрезвычайных обстоятельствах»¹⁰. Конституцией России (ст. 56, 87, 88) предусмотрено введение в Российской Федерации таких чрезвычайных правовых режимов, как военное положение и чрезвычайное положение. Исходя из смысла ст. 87 Конституции РФ иных оснований для введения Президентом Российской Федерации на территории России или в ее отдельных местностях военного положения, кроме агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации, федеральным законодательством предусмотрено быть не может. Изложенные условия введения военного положения имеют исчерпывающий характер и расширительному толкованию не подлежат. Что касается чрезвычайного положения, то, как закреплено в части второй ст. 56 и ст. 88 Конституции России, оно может вводиться Президентом Российской Федерации при наличии обстоятельств и в порядке, предусмотренном федеральным конституционным законом. К таким обстоятельствам в соответствии со ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. относятся: например попытки насильственного изменения конституционного строя, попытки захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, межконфессиональные и региональные конфликты, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, стихийные бедствия, эпидемии и другие обстоятельства, угрожающие жизни и безопасности граждан или нормальной деятельности государственных институтов. По мнению Ф.С. Галенпольского, «чрезвычайное положение предполагает не-

¹ Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 276.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 357.

³ Словарь синонимов русского языка. М., 1986. С. 305.

⁴ Малько А. В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5. С. 19.

⁵ См.: Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.

⁶ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1989.

⁷ См.: Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979.

⁸ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР. 1989. № 3. Ст. 52.

⁹ Стремоухов А.В. Указ. соч. С. 98.

¹⁰ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник / Под ред. Б.А. Страшуна. М., 1995. Т. 1–2. С. 121.

обычное, угрожающее существованию государства положение, и отличается, таким образом, от повседневной правоохранительной деятельности по обеспечению общественной безопасности, которая в рамках нормальных общественных отношений противодействует помехам общественной безопасности посредством административного управления»¹. С другой стороны, на что обращает внимание С.Н. Бабурин, «в отличие от подхода к чрезвычайному положению, Конституция не содержит для территорий военного положения каких-либо изъятий в ограничении прав и свобод»². Такая позиция обосновывается тем, что в ст. 87 Конституции Российской Федерации, устанавливающей основания объявления Президентом Российской Федерации военного положения, не содержится прямого упоминания о возможности ограничения при этом прав и свобод граждан, как это, например, непосредственно предусматривает редакция ст. 88 Конституции России о чрезвычайном положении. Однако, по мнению автора, это вовсе не означает, что при военном положении права и свободы граждан вообще не подлежат какому-либо ограничению. Подобные суждения представляются ошибочными, поскольку не учитывают предоставленной ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации возможности ограничения на основании федерального закона прав и свобод граждан в пределах, которые необходимы для обеспечения безопасности государства и обороны. Это не только совпадает по смыслу с содержанием ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, но и основано на редакции ст. 19 Федерального закона «Об обороне», дающей понятие военного положения как особого правового режима деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, предусматривающего ограничения прав и свобод граждан. Аналогичная норма закреплена также и в п. 2 ст. 1 ГК РФ, что признается в научной литературе обоснованной мерой воздействия со стороны государства при необходимости обороны страны, но при обязательном условии принятия соответствующего федерального закона³. Не случайно в юридической энциклопедической литературе одним из наиболее характерных признаков военного положения признается именно применение комплекса ограничений для населения⁴.

Таким образом, с принятием Конституции Российской Федерации основания введения военного и чрезвычайного положения впервые в истории России были строго разграничены. Международная практика применения институтов чрезвычайного и военного положения в различных странах свидетельствует о том, что законодательство большинства зарубежных государств рассматривает эти режимы в качестве правовых институтов, регламентирующих чрезвычайный режим осуществления государственной власти в различных ситуациях, когда нормальное функционирование общества и государства становится невозможным. При этом поддержание режимов чрезвычайного или военного положения практически неизбежно связано с ограничениями прав и свобод граждан, приобретающими зачастую неоправданно жесткий характер. Однако возможные ограничения любых прав и свобод граждан должны коррелировать с международно-правовыми нормами и осуществляться в строгом соответствии с национальным законодательством. Всеобщей декларацией прав человека (п. 2 ст. 29) закреплено, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

С учетом изложенного представляется крайне важным объективное сочетание целесообразности и разумной достаточности мер государственного ограничения прав и свобод граждан, которые при этом не должны противоречить нормам международного права, установленным в обществе основам правопорядка и конституционным нормам⁵. Высказанные в современной отечественной юридической литературе точки зрения содержали различные подходы к этой проблеме, речь идет о том, что в законодательной и правоприменительной практике вопрос о предельности ограничений часто решается без опоры на прочный теоретический фундамент. Между тем, еще Б.Н. Чичерин отмечал, что «без этих ограничений (прав и свобод) общежитие невозможно. В какой мере они устанавливаются – это зависит от местных и временных условий»⁶. Как верно замечает А.В. Малько, «возможность ограничений основных прав и свобод личности по соображениям обеспечения интересов общества в целом или прав и свобод других лиц всегда таит в себе угрозу, если даже не злоупотреблений, то, во всяком случае, принятия несоизмеримых охраняемому общественному интересу ограничительных мер»⁷. В международно-правовых документах, в конституциях государств практически невозможно встретить четких и ясных упоминаний о возможных пределах ограничений. В Международном пакте о гражданских и политических правах указывается, например, что в случае чрезвычайного положения возможны отступления от некоторых положений статей (ч. 3 ст. 4), однако, какова крайняя степень, предельная граница этих отступлений, не говорится. В Сиракузских принципах толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (1984г.)⁸, содержится ряд ссылок на возможные пределы ограничений. Например, в ст. 6 названного документа сказано, что «никакие ограничения не должны применяться с иной целью, чем та, для которой они введены», т.е. пределом ограничений выступает поставленная перед самими ограничениями цель. В перечне других пределов указывается совместимость ограничения с другими правами, вопросы национальной безопасности. Сиракузские принципы, как можно видеть, действительно указывают на некоторые пределы ограничений, но и они все-таки несколько «размыты», необходимая четкость и ясность формулировок норм и положений отсутствует. Ограниче-

¹ Галенпольский Ф.С. Чрезвычайное положение и сходные правовые режимы (на примере ФРГ) // СибЮрВестник. 1998. № 2. С. 41.

² Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997. С. 98.

³ Гражданское право: Учебник. Часть I / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М., 1997. С. 58.

⁴ Додонов В.Н., Румянцев О.Г. Энциклопедический юридический словарь. М., 1996. С. 43; Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 1984. С. 44; Пчелинцев С.В. Правовое регулирование военного положения в России в конце XIX – начале XX века // Журнал российского права. 1998. № 2. С. 137–149.

⁵ Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 2001. С. 276–283.

⁶ Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 248.

⁷ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994. С. 59.

⁸ Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах. / Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1992. № 4.

ния отдельных юридических прав граждан допускаются только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Они не могут затрагивать основополагающих прав и свобод граждан и должны согласовываться с требованиями ст. 55 и 56 Конституции Российской Федерации¹.

В то же время высказываются соображения о том, что закрепленный в Конституции России перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению при введении чрезвычайного положения, значительно расширен по сравнению с Международным пактом о гражданских и политических правах. Это право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на тайну частной жизни и др. Поэтому, по мнению В.В. Лозбинова, следовало бы внести соответствующие изменения в Конституцию Российской Федерации, которые позволяли бы более эффективно осуществлять режим чрезвычайного положения².

При введении чрезвычайного положения происходит ограничение прав и свобод человека и гражданина, причем это ограничение носит не индивидуальный, персонализированный характер, как при правонарушении, но распространяется на все население соответствующей территории, вне зависимости от того, предпринимались ли конкретными субъектами противоправные или ставящие под угрозу общественную безопасность действия, или нет³.

Введение чрезвычайного положения невозможно рассматривать лишь в негативном контексте ограничения прав и свобод, но необходимо помнить и о позитивной стороне – защите прав и свобод и создании условий для восстановления нормального правопорядка как принципиальной цели введения чрезвычайного положения⁴.

Законодатель прямо указывает меры и временные ограничения, применяемые при введении данного режима, разделяя их по основаниям введения. Как уже говорилось выше, даже в условиях чрезвычайного положения не могут ограничиваться естественные, неотчуждаемые права, принадлежащие человеку в силу рождения. Как установлено ст. 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ратифицирована Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ), при чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, могут приниматься меры в отступление от Конвенции, однако только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств⁵. С учетом изложенного крайне важным представляется соблюдение сочетания целесообразности и разумной достаточности мер государственного ограничения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайных правовых режимах. При этом подобные меры не должны противоречить нормам международного права, установленным в обществе основам правопорядка и конституционным нормам.

Характер и объем ограничений прав и свобод человека и гражданина при действиях в условиях чрезвычайных обстоятельств, регламентируется подзаконными ведомственными нормативно-правовыми актами. Например, приказ ГКВВ МВД России № 143 от 3 апреля 2003 г., дублирующий приказ МВД РФ № 870, закрепляет правовые основы деятельности военнослужащих внутренних войск при чрезвычайных обстоятельствах.

Вместе с тем, по аналогии с нормами о режиме чрезвычайного положения в условиях военного положения, не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ст. ст. 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 Конституции Российской Федерации (право на жизнь, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, свобода совести и вероисповедания, право на жилище, на судебную защиту прав и свобод и т.д.), поскольку именно эти права не могут быть ограничены в силу ч. 3 ст. 56 Конституции России даже в условиях введения чрезвычайного положения⁶.

Данные предложения были закреплены в принятом 27 декабря 2001 г. Государственной Думой и подписанном 30 января 2002 г. Президентом Российской Федерации Федеральном конституционном законе № 1-ФКЗ «О военном положении». Закон (ст. ст. 7, 18) предусматривает ограничения отдельных прав и свобод граждан на время военного положения, а также дополнительные обязанности оборонного характера граждан в условиях военного положения, которые, по мнению автора, можно классифицировать по трем основным группам.

К первой группе по аналогии с соответствующими положениями Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ст. 11–12) отнесены такие меры, как:

- а) введение и обеспечение особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда, а также ограничение свободы передвижения по ней;
- б) запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий;
- в) запрещение забастовок и иных форм приостановления или прекращения деятельности организаций;
- г) ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра;
- д) установление запретов на нахождение граждан на улицах и в иных общественных местах в определенное время суток (введение комендантского часа);
- е) предоставление федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органам военного управления права осуществлять при необходимости проверку документов, удостоверяющих личность граждан, личный досмотр, досмотр их вещей, жилища и транспортных средств (с предоставлением дополнительного права, но только по основаниям, установленным федеральным законом, осуществлять задержание граждан и транспортных средств на срок до 30 суток);
- ж) запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ, установление особого ре-

¹ См., например: Конституционное право: Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2000. С. 98–99.

² Лозбинов В.В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации (теория, законодательство, практика). М., 2001. С. 169–171, 184–185.

³ Нигматуллин О.Б. Меры и временные ограничения, применяемые в условиях чрезвычайного положения для охраны общественного порядка // Южно-Уральские криминалистические чтения. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Выпуск 11. Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 80.

⁴ Грязнов А.В. Концепция и конституционные основы института чрезвычайного положения // Государство и право. 1994. № 6. С. 69.

⁵ Сборник важнейших документов по международному праву. Учебно-методическое пособие / Сост. М.В. Андреева. – М.: Институт международного права и экономики, 1996. С. 28.

⁶ Комментарий к Конституции РФ / Под ред. Кудрявцева Ю.В. М., 1996. С. 388.

жима оборота лекарственных средств и медицинских препаратов, содержащих наркотические и иные сильнодействующие вещества, спиртных напитков;

з) изъятие у граждан в случаях, предусмотренных федеральными законами, оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ.

Ко второй группе временных запретов и ограничений, применяемых в условиях военного положения, отнесены, с учетом особых целей военного положения, такие меры, как:

а) запрещение работы приемопередающих станций индивидуального пользования;

б) введение военной цензуры за почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем, а также контроля за телефонными переговорами, создание органов цензуры, непосредственно занимающихся указанными вопросами;

в) интернирование (изоляция) в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права граждан иностранного государства, воюющего с Российской Федерацией;

г) запрещение или ограничение выезда граждан за пределы территории Российской Федерации;

д) привлечение граждан в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, а также к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями;

е) установление запретов и ограничений на выбор места пребывания либо места жительства.

Третью группу временных мер, применяемых на территории, на которой введено военное положение, исходя из требований Федеральных законов «Об обороне», «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»¹, «О гражданской обороне»², составляют следующие возлагаемые на граждан обязанности:

а) выполнение требований федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов военного управления, обеспечивающих режим военного положения, и их должностных лиц и оказание содействия таким органам и лицам;

б) явка по вызову в федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы военного управления, обеспечивающие режим военного положения, а также в военные комиссариаты, на территории которых проживают граждане;

в) выполнение предписаний и распоряжений федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов военного управления, обеспечивающих режим военного положения, и их должностных лиц;

г) участие в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, в выполнении работ для нужд обороны, в ликвидации последствий применения противником оружия, в восстановлении поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, а также в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями, вступление в специальные формирования;

д) предоставление гражданами в соответствии с федеральными законами необходимого для нужд обороны имущества (с последующей выплатой государством стоимости изъятого имущества).

Вместе с тем Федеральный конституционный закон (п. 4 ст. 1) предусматривает возможность ограничения прав и свобод граждан в период действия военного положения только в соответствии с Федеральным конституционным законом и только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Кроме того, в этот период могут быть предусмотрены меры, связанные с введением временных ограничений на осуществление экономической и финансовой деятельности, оборот имущества, свободное перемещение товаров, услуг, финансовых средств, на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, с временным изменением режима трудовой деятельности (ст. 8 ФКЗ).

Таким образом, обсуждавшаяся в течение длительного времени возможность ограничения прав и свобод граждан в период действия чрезвычайных правовых режимов получила законодательное закрепление с учетом, однако, того, что эти ограничения:

а) не затрагивают основополагающих прав и свобод граждан;

б) могут допускаться только в той мере, в какой это необходимо для нужд обороны страны и обеспечения безопасности государства;

в) с учетом международно-правовых норм не должны повлечь за собой какую-либо дискриминацию отдельных лиц или групп населения по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям, а также по другим обстоятельствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник важнейших документов по международному праву. Учебно-методическое пособие / Сост. М.В. Андреева. М.: Институт международного права и экономики, 1996.
Sbornik vazhneishikh dokumentov po mezhdunarodnomu pravu. Uchebno-metodicheskoe posobie. Sost. M.V. Andreeva. Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki, Moskva. 1996.
2. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1992. № 4.
Sirakuzskie printsipy tolkovaniya ogranichenii i otstuplenii ot polozhenii Mezhdunarodnogo pakta o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh. Vestnik MGU. Seriya 11. Pravo. 1992. N 4.
3. Современные зарубежные конституции. М., 1992.
Sovremennye zarubezhnye konstitutsii. Moskva. 1992.

¹ СЗ РФ. 1997. N 9. Ст. 1014; 1998. N 29. Ст. 3395.

² СЗ РФ. 1998. N 7. Ст. 799.

4. Комментарий к Конституции РФ / Под ред. Кудрявцева Ю.В. М., 1996.
Kommentarii k Konstitutsii RF. Pod red. Kudryavtseva Yu.V. Moskva, 1996.
5. Собрание законодательства РФ. 1997. N 9. Ст. 1014; 1998. N 7. Ст. 7; N 29. Ст. 3395.
Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. N 9. St. 1014; 1998. N 7. St. 7; N 29. St. 3395.
6. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР. 1989. № 3. Ст. 52.
Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov SSSR i VS SSSR. 1989. № 3. St. 52.
7. Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1989.
Alekseev S.S. (1989). Obshchie dozvoleniya i zaprety v sovetskom prave. Moskva.
8. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997.
Baburin S.N. (1997). Territoriya gosudarstva: pravovye i geopoliticheskie problemy. Moskva.
9. Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979.
Bratko A.G. (1979). Zaprety v sovetskom prave. Saratov.
10. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.
Voevodin L.D. (1972). Konstitutsionnye prava i obyazannosti sovetskikh grazhdan. Moskva
11. Галенпольский Ф.С. Чрезвычайное положение и сходные правовые режимы (на примере ФРГ) // СибЮрВестник. 1998. № 2.
Galenpol'skii F.S. (1998). Chrezvychainoe polozhenie i skhodnye pravovye rezhimy (na primere FRG). SibYurVestnik. N 2.
12. Гражданское право: Учебник. Часть I / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М., 1997.
Grazhdanskoe pravo: Uchebnik. Chast' I. Pod red. A.G. Kalpina, A.I. Maslyayeva. Moskva. 1997.
13. Грязнов А.В. Концепция и конституционные основы института чрезвычайного положения // Государство и право. 1994. № 6.
Gryaznov A.V. (1994). Kontsepsiya i konstitutsionnye osnovy instituta chrezvychainogo polozheniya. Gosudarstvo i pravo. № 6.
14. Додонов В.Н., Румянцев О.Г. Энциклопедический юридический словарь. М., 1996.
Dodonov V.N., Rumyantsev O.G. (1996). Entsiklopedicheskii yuridicheskii slovar'. Moskva.
15. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.
Istoriya pervobytnogo obshchestva. Obshchie voprosy. Problemy antroposotsiogeneza. Moskva. 1983.
16. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник / Под ред. Б.А. Страшуна. М., 1995. Т. 1–2.
Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. Uchebnik. Pod red. B.A. Strashuna. Moskva. 1995. T. 1–2.
17. Конституционное право: Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2000.
Konstitutsionnoe pravo: Entsiklopedicheskii slovar'. Otv. red. S.A. Avak'yan. Moskva. 2000.
18. Лозбинец В.В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации (теория, законодательство, практика). М., 2001.
Lozbinev V.V. (2001). Institut chrezvychainogo polozheniya v Rossiiskoi Federatsii (teoriya, zakonodatel'stvo, praktika). Moskva.
19. Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5.
Mal'ko A.V. (1993). Pravovye ogranicheniya: ot otraslevogo ponimaniya k teoreticheskomu. Pravovedenie. N 5.
20. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994.
Mal'ko A.V. (1994). Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyi aspekt. Saratov,
21. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е Т. 25. Ч. 2. М.: Политиздат, 1962.
Marks K. (1962). Kapital. In: Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-e T. 25. Ch. 2. Politizdat, Moskva.
22. Нигматуллин О.Б. Меры и временные ограничения, применяемые в условиях чрезвычайного положения для охраны общественного порядка // Южно-Уральские криминалистические чтения. Сб. материалов международной научно-практической конференции. Вып. 11. Уфа: RIO БашГУ, 2003.
Nigmatullin O.B. (2003). Mery i vremennye ogranicheniya, primenyaemye v usloviyakh chrezvychainogo polozheniya dlya okhrany obshchestvennogo poriyadka. In: Yuzhno-Ural'skie kriminalisticheskie chteniya. Sb. materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vyp. 11. RIO BashGU, Ufa
23. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988.
Ozhegov S.I. (1988). Slovar' russkogo yazyka. Moskva.
24. Пчелинцев С.В. Правовое регулирование военного положения в России в конце XIX – начале XX века // Журнал российского права. 1998. № 2.
Pchelintsev S.V. (1998). Pravovoe regulirovanie voennogo polozheniya v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. Zhurnal rossiiskogo prava. N 2.
25. Словарь синонимов русского языка. М., 1986.
Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Moskva. 1986.
26. Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Монография. СПб: ЛГУ им А.С. Пушкина, 2006.
Stremoukhov A.V. (2006). Pravovaya zashchita cheloveka: Monografiya. LGU im A.S. Pushkina, Sankt-Peterburg.
27. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001.
Trubetskoi E.N. (2001). Trudy po filosofii prava. Sankt-Peterburg.
28. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998.
Chicherin B.N. (1998). Filosofiya prava. Sankt-Peterburg.
29. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 2001.
Shayo A. (2001). Samoogranichenie vlasti (kratkii kurs konstitutsionalizma). Moskva.
30. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 1984.
Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar'. Pod red. A.Ya. Sukhareva. Moskva. 1984.
31. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
Yaspers K. (1991). Smysl i naznachenie istorii. Moskva.